

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСАМИ, СОДЕРЖАЩИМИ ЭЛЕМЕНТ *-to-, В БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

(По материалам современного русского и литовского литературных языков)

Э. БАЛАЛЫКИНА

Суффикс *-to-, столь необычайно распространившийся в славянских и балтийских языках в качестве причастной морфемы, осложняющей прежде всего страдательные причастия прошедшего времени, некогда был независим от глагольной системы и производил прилагательные на *-to-, связанные с именными основами. Лишь постепенно, выступая параллельно с суффиксом *-no-, формант *-to- настолько сблизился с глагольными образованиями, что стал оформителем вышеуказанной категории причастий (в балтийских языках основным, в славянских — наряду с морфемой *-no-)¹. Однако независимо от глагольной сферы суффикс *-to- до настоящего времени продолжает выступать в качестве именного форманта, правда, прежде всего сложного, явившегося результатом морфологических процессов переразложения. Аффиксы *-ato-, *-ito-, *-ōto-, столь активные в современных литературных языках, возникли на базе осложнения морфемой *-to- тех или иных именных основ.

Само собой разумеется, что прилагательных, содержащих древний суффикс *-to- в чистом виде (который в большинстве случаев может быть выделен лишь с помощью этимологического анализа), в современных литературных языках немного: русск. *густой, желтый, простой, пустой, святой, частый, чистый* и др., лит. *geltas, prastas* и др., лтш. *prasts, svēits* и др. Более прозрачны в словообразовательном отношении литовские прилагательные на *-tas*, соотношенность которых с глагольными основами в большинстве случаев может быть определена. Ср. *baltas* — *balti* „белый — белеть, бледнеть“, *geltas* — *gelsti* „желтый — желтеть“, *piktas* — *pykti* „сердитый — сердиться“, *skystas* — *skysti* „жидкий — сжиматься“ и др.²

Находясь в различной семантической отдаленности от производящей основы, формы на *-tas* выражают те или иные оттенки отношения к действию. В одних случаях исследуемые прилагательные совершенно отделились от

¹ См. А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 214—215.

² П. Скарджюс относит их, правда, к числу бывших причастий, перешедших в прилагательные. См. P. Skardžius. Lietuvių kalbos žodžių daryba. V., 1943, p. 319.

производящих основ: *griežtas* „суровый, резкий“ при *griežti* „играть, скрежетать“, *kiltas* „грубый, толстый“ при *kilti* „подниматься, возвышаться“, *rimtas* „серьезный“ при *rimti* „утихать, затихать, переставать“, *prastas* „простой“ при *prasti* „привыкать“ и т.д.³ В других случаях они теснейшим образом связаны с глаголами по значению, а потому предельно близки страдательным причастиям прошедшего времени: *delbtas* „потопленный“, *girtas* „пьяный“, *kėstas* „расширенный“, *riestas* „загнутый вверх“ и др. при соответствующих *delbti*, *gerti*, (*s*)*kėsti*, *riesti* и др.

Образования того же типа свойственны и русскому языку. Порой довольно трудно определить, с чем мы имеем дело — с причастием или прилагательным с ярко выраженным оттенком результативности в значении. Например, *замкнутый* — у Ушакова „отъединенный от общества, обособленный“. *Вести замкнутую жизнь. Замкнутый характер. Забытый* — „Находящийся в забвении, заброшенный, покинутый“. *Забытый писатель. Тронутый* — „Несколько ненормальный, психически больной“ и т.д.

Значительное количество литовских прилагательных подобного типа имеет суффикс *-*to-* не в чистом виде, а осложненным элементом *s* : *š*. Например, *aukštas* при *augti* „высокий“, *rūgštas* при *rūgti* „кислый“ и др., лтш. *augsts* — *augt* и др. Хотя вопрос о происхождении элемента *s* перед *t* — один из спорных и не выясненных до сих пор⁴, чередование *t* : *st* (*št*) принадлежит к числу исключительно распространенных и в балтийских, и в славянских языках⁵.

Выступая в подобном модифицированном виде, суффикс *-štus*, *-štas*⁶ (наряду с *-tas*) осложняет прилагательные, соотношенность которых с глаголами предельно прозрачна, а выражаемые оттенки значений близки не только страдательным причастиям прошедшего времени, но и, что особенно важно, действительным причастиям настоящего времени. Например, *baikštus* „пугливый, боязливый“. *Baikštus kiškis; dergštas* „пачкающий везде“ (разг.) при *dergti* „гадить, пачкать“; *graibštus* „хваткий, цепкий, ловкий“. *Ilgos, graibščios rankos; lankstus* „гибкий“. *Lankstus karklas. Jo lankstūs pirštai*; пер. „приспособливающийся к обстоятельствам“; *plintus* „быстро распространяющийся, размножающийся“; *pravartus* „пригодный“; *purkštus* „вспыльчивый, раздражительный“ (разг.) и т.д.⁷

³ Другие примеры см. *Lietuvių kalbos gramatika*, t. I, V., 1965, p. 552.

⁴ См. I. Winkler-Leszczyńska. *Sufiksy przymiotnikowe-ity, -isty, -aty, -asty w języku polskim na tle ogólnostowiańskim*, Wrocław, 1964.

⁵ Достаточно вспомнить хотя бы славянские параллели типа *-osć, -ota, -yść, -yto* и др.

⁶ В современном литовском языке это варианты одной морфемы (ср. *rūgštas—rūgštas, rūstus—rūstas*).

⁷ См. *Dabartinės lietuvių kalbos žodynas*, V., 1954.

Стремление прилагательных к большей качественности, независимости признака приводит в некоторых случаях к такой отдаленности от мотивирующего глагола, что связи с ним восстанавливаются уже с трудом: *ankstus* „ранний“, *ankštas* „тесный“, *apskritas* „круглый“, *apstus* „обильный, богатый“, *aukštas* „высокий“, *kruopštus* „тщательный, кропотливый“, *šlykštus* „отвратительный“, *šmaikštus* „хлесткий“ и т.д.

Результатом того же самого процесса является способность большинства вышеуказанных прилагательных иметь так называемые морфологические признаки качественности (образовывать степени сравнения, производить наречия, существительные абстрактного значения и т.д.): *apskritas* – *apskritai* – *apskritumas*, *ankstus* – *ankstybė* – *ankstumai*, *apstus* – *apsčiai* – *apstybė*, *aukštas* – *aukštyn* – *aukštybė* – *aukštumas*, *baikštus* – *baikščiai* – *baikštybė* – *baikštumas* и т.д.

Современным русским формам на *-тый* выражение агентивных глагольных оттенков (при соотнесенности с производящими глаголами) не свойственно⁸, хотя в языке более раннего периода подобные прилагательные, видимо, существовали, о чем свидетельствуют некоторые данные словаря И. И. Срезневского (типа *буютыи*, *гордытыи*, *житии*, *заюитыи*, *мъногознаменатыи*, *мльтворитыи*, *пригдыи* и др., содержащие, правда, и варианты морфемы *-тыи*, но имеющие, безусловно, активное причастное значение)⁹.

Прилагательные с производными морфемами в виде **-āi*, **-ōi*, **-īi*, возникновение которых относится к древнейшей эпохе существования языка, и их модификациями в виде *-ast*, *-ist*, являющимися прежде всего славянскими новообразованиями, относятся к числу широко распространенных форм в исследуемых языках.

Основное назначение форманта *-атый* в русском языке и соответствующих ему литовских форм на *-otas*, *-uotas* – предметно-притяжательное, – „характеризуемый наличием чего-либо, обладающий чем-нибудь (тем, что обозначает производящее существительное)“¹⁰. В качестве мотивирующих основ выступают прежде всего конкретные имена, обозначающие части тела человека и животных: русск. *горбатый* – „имеющий горб, сильно сгорбленный“, лит. *kuprotas* – „su kupra“. *Kuprotas senis*; русск. *бородатый* – „с бородою“, лит. *barzdotas*, русск. *волосатый* – „покрытый волосами“, лит.

⁸ Основное назначение русских прилагательных подобного типа (как, впрочем, польских и латышских) – выражение признака, связанного с результатом какого-либо действия: русск. *битый*, *вбитый*, *колотый*, польск. *bity*, *kręty*, *kluty*, (po)kryty, лтш. *kauts*, *sists*, *skaldīts*, *vits* и др.

⁹ Ср. чешск. *ležatý* „лежащий“, *náležitý* „принадлежащий“, *stojatý* „стоящий“ и др., осложненные морфемами *-atý*, *-itý*.

¹⁰ В. В. Виноградов. Русский язык. М. – Л., 1947, стр. 210.

plaukuotas — „*pilnas plauku*“, русск. *рогатый* — „имеющий рога, с рогами или рожками“, лит. *raguotas* — „*su ragais*“ и т.д. Точно так же русск. *крылатый*, *полосатый*, *пузатый*, лит. *sparnuotas*, *ruožuotas*, *pilvotas* и др.

Обращает на себя внимание, во-первых, семантическая ограниченность приведенных прилагательных, не позволившая, видимо, данному типу развиться в достаточной степени, а связанная с нею притяжательность препятствовала приобретению ими морфологических признаков качественности (степеней сравнения и др.); во-вторых, постоянное место ударения на исследуемом суффиксе как в русском, так и в литовском языках, и, наконец, большая зависимость фонетического облика литовской морфемы от основообразующего гласного мотивирующего существительного: как правило, *-ā- основы осложняются суффиксом *-otas* и соответственно *-ō- основы — формантом *-uotas*¹¹.

Весьма показательными в плане выяснения генезиса вышеприведенных морфем являются литовские прилагательные на *-(u)otas*, соотносимые также с прилагательными. Например, *klampus—klampotas* „топкий, вязкий“, *kumpas—kumpotas* „кривой, изогнутый“, *skersas—skersuotas* „поперечный“, *keršas—keršuotas* „пегий“ и др.¹². Неизвестные современному русскому языку, но встречающиеся в некоторых других славянских языках (в чешск. *dlouhý—dlouhatý* „очень длинный“, *nahý—nahatý* „совершенно нагой“ и др.), данные формы служат отголоском древнейшей недифференцированности исконных и осложненных первичными суффиксами прилагательных¹³.

Модификацией суффикса *-atu* служит морфема *-asty*, выделившая стандартный элемент, встречающийся в целом ряде славянских суффиксальных чередований (с согласным *-t-*).

Продуктивность русских форм на *-астый* увеличивается по направлению к современности¹⁴, основной признак, выражаемый ими, — „имеющий в избытке, с излишком, чрезмерно что-либо, что обозначается производящей основой“. Поскольку семантические оттенки прилагательных на *-атый* и *-астый* в общем-то сходны, данные аффиксы способны выступать параллельно, причем *-атый* чаще всего выражает просто принадлежность, а *-ас-*

¹¹ В латышском языке подобного явления нет, поскольку указанные значения обслуживаются формами на *-ains* (типа *bārdains*, *matains*, *kuprains*), а примеры типа *spārnots* „крылатый“ — единичны.

¹² Ср. то же: *darbus—darbštus*, *lakus—lakstus*, *rangus—rangštus* и др.

¹³ Ср. подобные примеры у Срезневского: *гърдыи—гърдитыи*, *зубии—зубатыи*, *сердыи—сердитыи*, *гъркавыи—гъркаватыи* и др.

¹⁴ См. И. С. Меркурьев. Словообразование качественных имен прилагательных в древнерусском языке XI—XIV вв. АҚД, Л., 1956.

мый — избыток и превосходство¹⁵. Например, русск. *бородатый* — „опустивший бороду, с бородою“, *бородастый* — „с большой бородою“, *рогатый* — „с рогами“, *рогастый* — „с большими рогами“, *усатый* — „с усами“, *усастый* — „с большими усами“ (но ср. *носатый* — *носастый* — „с большим носом“) и т.д. Те же оттенки можно обнаружить и у ряда польских прилагательных: *dropiaty* — *dropiasty* „крапчатый“, *głowiasty* „головастый“, *gąbczasty* „губчатый“, *krzaczasty* „ветвистый“, *zębaty* — *zębiasty* „зубастый, зубчатый“ и т.д. (хотя в качестве основной морфемы здесь выступает, как и в чешском языке, формант *-aty*)¹⁶.

В балтийских языках, как правило, осложнения суффикса *-(u)otas* элементом *š* не бывает, хотя в отдельных говорах такое явление, видимо, возможно¹⁷, что позволяет исследователям относить время появления форманта *-ast* к балто-славянской эпохе, а распространение и дальнейшее развитие — ко времени существования отдельных славянских языков. Не случайно поэтому, что суффикс *-(u)otas* в современном литовском языке более многозначен, чем соответствующая славянская морфема. Это может быть „наличие признака в значительной степени“: *gyslotas* „жилистый“, *kalnuotas* „гористый“, *karpotas* „бородаватый“, *ežeruos* „озеристый“, *plyšiuotas* „щелястый“, *šlakuotas* „веснушчатый“ и др. Это может быть „имеющий что-либо, состоящий из чего-либо, содержащий что-либо“: *bokštuotas* „с башнями“, *avižotas* „с овсом“, *ginkluotas* „с оружием“, *spygliuotas* „с шипами“, *sagotas* „с пуговицами“, *šalnotas* „с заморозками“ и т.д. И, наконец, очень распространенное конкретное значение: „имеющий что-либо на поверхности, испачканный чем-либо, покрытый чем-либо (на что указывает производящая основа)“: *aluotas* „облитый пивом“, *dažuotas* „испачканный в красках“, *pelenuotas* „в пепле“, *riebaluotas* „в жире, сале, маслянистый“, *uoguotas* „измазанный ягодами“, *plunksnotas* „обросший перьями“ и т.д.

Все вышел перечисленные семантические оттенки свойственны и еще одному распространенному типу литовских прилагательных — формам на *-ėtas*, возникшим первоначально на базе осложнения существительных **-ē-* основ элементом *-tas*. Поскольку имена подобного рода представляют собой довольно значительный пласт литовских существительных, морфема *-ėtas* необычайно распространилась в языке, вытесняя постепенно другие родственные аффиксы и осложняя существительные уже независимо от основы, характеризующей их. Отсюда *duobėtas* — „ямистый, ухабистый“, *kaulėtas* „костистый“,

¹⁵ В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 211.

¹⁶ См. Ф. Травничек. Грамматика чешского литературного языка. М., 1950, стр. 219—220.

¹⁷ I. Winkler-Leszczynska. Указ. работа, стр. 9.

kalkētas „известковый, с примесью извести“, *kerpētas* „покрытый лишайником“, *klostētas* „со складками“, *laiškētas* „с листьями“, *molētas* „в глине“, *musētas* „запачканный мухами“, *pelkētas* „болотистый“, *pempētas* „веснушчатый“, *pusnētas* „полный сугробов“, *pūslētas* „в пузырях“, *varškētas* „в твороге“, *žemētas* „в земле“ и т.д.

Сходство в значении, выражаемом прилагательными с суффиксами *-(u)otas* и *-ētas*, объясняется, конечно, наличием основной морфемы *-tas*, первоначальным назначением которой, возможно, было выражение принадлежности. Стремление к большей качественности, безотносительности признака постепенно привело к выражению некоторыми из исследуемых прилагательных более отвлеченных оттенков в значении. Ср. *darganotas* „ненастный“, *grublētas* „неровный“, *rūkuotas* „туманный, мгlistый“, *sausrotas* „засушливый“ и др. В качестве мотивирующих основ уже выступают существительные более отвлеченного содержания. Важную роль в этом закономерном для прилагательных процессе играют различные переносы в значениях, появляющиеся у производных имен и в случае соотнесенности с конкретным существительным. Например, *galva* – *galvotas* „толковый, умный“, „подобный голове по форме“, *gegužē* – *gegužētas* „рябой, пестрый, похожий на кукушку“, *dramblis* – *dramblotas* „неуклюжий, мешковатый“, *kanapē* – *kanapētas* „рябой“, *migla* – *miglotas* „неясный, туманный“ и т.д.

Этот общий для прилагательных процесс свойствен и русским прилагательным на *-атый*, *-астый*, которые также способны в целом ряде случаев развивать более отвлеченные значения даже при сохранении основных словообразовательных связей с конкретными мотивирующими основами (*горластый* – „крикливый, с крикливым голосом“; *зубастый* – „язвительный, насмешливый, дерзкий и острый на язык“¹⁸ и др.).

На базе форманта *-am-* в русском языке выделились некоторые производные морфемы (явившиеся результатом морфологических процессов). Это прежде всего формант *-чат-* (первоначально морфема *-am-* + основообразующий *-ьк-* или *-ьц-*), неизвестный балтийским языкам. Количество форм на *-чатый* в русском литературном языке постоянно увеличивается. Основное значение при соотнесенности с именными основами – „подобный чему-либо, имеющий значительное количество чего-либо, что обозначается производящей основой“¹⁹. Например, *дымчатый* – „напоминающий по цвету дым“. *Дымчатый топаз*; *лапчатый* – „похожий по форме на лапу“. *Лапчатый*

¹⁸ Ф. Травничек относит формы на *-атý* подобного типа к прилагательным, выражающим сходство: *boubelatý* „полный, как пузырь“, *kulatý* „круглый, как шар“, *strakatý* „пестрый, как сорока“ и др. См. Ф. Травничек. Указ. работа, стр. 220.

¹⁹ Все примеры даются по словарю Д. Ушакова.

лист. Шиштый из лапок. Лапчатый мех; складчатый – „имеющий много складок, сделанный в складку“. Складчатое платье; узорчатый – „украшенный узорами“. Узорчатые ткани; и т.д. Точно так же дырчатый, клетчатый, сетчатый, решетчатый, рубчатый и др. Образования на *-чатый* более выразительны, чем соответствующие формы на *-атый* в плане соотношенности с глагольными основами. Основное значение при этой соотношенности – „склонный к какому-либо действию, отличающийся способностью производить какое-либо действие, обозначенное производящей основой“: *взрывчатый, залихватый, обрывчатый, отрывчатый, перелихватый, разрывчатый, рассыпчатый* и т.д. Или реже – „явившийся результатом какого-либо действия“: *размычатый, расплычатый* и др.²⁰

На базе древнейшего именного форманта *-ов-* + суффикс *-ат-* сложилась морфема *-оват*, осложняющая обычно основы прилагательных и существительных и выражающая при этом специфическое значение неполноты качества: *грубый – грубоватый, слабый – слабоватый, грязный – грязноватый*, и др. Возможно и значение сходства, наличия чего-либо (в случае соотношенности с именами): *молодцеватый, мужиковатый, мешковатый, ноздреватый, рубцеватый, узреватый* и др. При мотивирующем глагольном имени – склонность к какому-либо действию, состоянию: *трусоватый, шумоватый* и др.²¹

Балтийским языкам, как известно, подобные сложные морфемы не свойственны²², а потому оттенки значений, выражаемые ими, можно в той или иной степени обнаружить у прилагательных с основными формантами *-otas, -uotas* и *-étas*.

Родственным по происхождению вышеприведенным морфемам, содержащим элемент *-t-*, является еще один суффикс **-it-*, унаследованный еще с и.-е. поры и необычайно распространившийся в некоторых славянских языках. Так, в современном чешском языке морфема *-itý* очень активно производит прилагательные, соотносящиеся как с именными, так и с глагольными основами: *barvitý* „разноцветный“, *dřevitý* „древесный“, *kamenitý* „каменистый“, *hrotitý* „остроконечный“, *letitý* „пожилой, в летах“, *pisčitý* „песчаный“, *důle-*

²⁰ Подробнее см. В. П. Даниленко. Образование качественных прилагательных от основ имен существительных при помощи суффиксов *-ат-*, *-чат-*, *-аст-*. Труды Института языкознания, т. 3, 1954, стр. 124.

²¹ В современном польском языке формы на *owaty* активно вступают в синонимические отношения с прилагательными на *-owy*, выражая при этом чаще всего значения сходства: *grzybowy* „грибной“, *grzybowały* „похожий на гриб“, *jajowy* „яичный“, *jajowaty* „яйцевидный“, *wężowy* „змеиный“, *wężowaty* „змеевидный“ и др.

²² Некоторые примеры см. J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, t. 2, Warszawa, 1965, стр. 252.

žitý „настоятельный“, *přiležitý* „пригодный“ и др. Русские прилагательные на *-итый* в современном литературном языке относятся к числу непродуктивных. Сочетаются с ограниченным кругом производящих основ, выражая общее значение – „в большой степени имеющий что-либо, обладающий чем-либо“²³: *знаменитый* – „прославленный, пользующийся очень большой известностью“. *Знаменитый писатель*; *именитый* – „значительный по своему общественному положению, весьма важный, почтенный“. *Именитый купец*; *маститый* – „почтенный, заслуживший своей долголетней деятельностью общее уважение“. *Маститый ученый*; и т.д. Само собой разумеется, что словообразовательные и семантические связи с мотивирующими основами типа *знамя, имя, мать* у этих прилагательных уже утеряны. Некоторые единичные образования на *-итый* способны выражать глагольные оттенки в значении (агентивные прежде всего). Напр., *сердитый* – 1. Склонный сердиться, гневаться, раздражительный. *С. нрав.* 2. Испытывающий гнев, сердящийся на кого, что-нибудь. *С. господин.* 3. Вызывающий раздражение. *С. окрик.* 4. Пер. Сильно действующий. *С. табак.* Подобные прилагательные переключаются с соответствующими чешскими формами на *-itý*.

В современном литовском языке формант *-ytas* осложняет существительные **-ĩ-* основ конкретного содержания. Производные прилагательные на *-ytas* относятся к числу непродуктивных образований предметно-притяжательного значения (в латышском языке их почти нет). Например, *ausytas* „с ушами, ушками“. *Ausyta kepurė, a. puodas; akytas* „с глазками, пористый“. *A. sūris; dantytas* „с зубами, зубастый“. *Lydekos gerklė dantytą; korytas* „пористый, ноздреватый“. *K. pyragas, sūris; geležytas* „подбитый железом“ и др. В литовском языке более раннего периода (как и в русском) можно, видимо, обнаружить гораздо большее количество подобных образований²⁴.

На базе суффикса *-ит-* в современных славянских языках в результате морфологического процесса переразложения сформировались две производные морфемы: *-овит-* и *-ист-*. Что касается первого суффикса, то он принадлежит к числу непродуктивных морфем как в русском, так и в целом ряде других славянских языков (и прежде всего в польском). Напр., русск. *ледовитый* – „обильный льдом“, *родовитый* – „принадлежащий к старинному аристократическому роду“, *толковитый* – „толковый“ (простор.) и др.²⁵

²³ См. Грамматика русского языка, изд. АН СССР, т. 1, стр. 385.

²⁴ См. примеры в работе Я. Отрембского: J. Otrębski. Gramatyka języka litewskiego, стр. 253 и в слове *Indeks a Tergo Do materiałów do słownika języka staroruskiego I. I. Szreńiewskiego, Warszawa, 1968.*

²⁵ В современном чешском языке этот суффикс довольно распространен.

Суффикс же *-ист-*, являющийся вариантом того же типа, что и *-ист-* по отношению к *-ат-*, наоборот, необычайно продуктивен в целом ряде славянских языков. Русские формы на *-истый* способны соотноситься по значению с именами разнообразной семантики, выражая при этом такие значения, как „наделенный чем-либо в значительной степени, имеющий что-либо в большом количестве“: *дуплистый* – „с большим дуплом, с несколькими дуплами“. *Д. дуб. Д. ракита; ветвистый* – „со множеством ветвей“. *В. дуб; льдяистый* – „обильный льдами“. *Л. океан; мясистый* – „толстый, содержащий в себе больше мяса, чем костей“. *М. кусок говядины;* и т.д. Или „похожий на что-либо, сходный с чем-либо“: *волнистый* – „подобный волнующейся поверхности воды, волнообразный“; *бархатистый* – „подобный бархату, мягкий, нежный“; *серебристый* и др.

Весьма показательной представляется возможность форманта *-ист-* осложнять основы прилагательных (чаще всего производных): *водяной – водянистый, кровяной – кровянистый, масляный – маслянистый, песчаный – песчанистый, серный – сернистый* и т.д. Основное значение при этом „содержащий что-либо, с большой примесью чего-либо“.

При мотивирующих глагольных основах прилагательные на *-истый* способны выражать разнообразные значения, связанные с отношением к действию. В одних случаях они близки действительным причастиям настоящего времени (агентивные значения): *загрёбистый* – „стремящийся много забрать, захватить себе“; *игристый* – „шипучий, пенящийся“. *И. вино, и. квас отрывистый* – „звучащий резко, прерываемый паузами“; *прерывистый* – „прерывающийся“; *смекалистый* – „сообразительный, сметливый, имеющий смекалку“, и т.д. В других случаях – значение результативности: *поджаристый* – „хорошо поджаренный, подгоревший, немного подрумяненный в жару“; *покатистый* (прост.) – „покатый, наклонный“; *развесистый* – „с широко в разные стороны разросшими и нависшими, раскинувшимися ветвями“; и т.д.

В некоторых случаях возможна двоякая соотнесенность, как с глаголом, так и с глагольным именем²⁶: *надрывистый* – „с надрывом, резкий, судорожный“; *наваристый* – „наварный, с наваром“; *обрывистый* – „крутой, отвесный, в обрывах. Лишенный гладкости, стройности“; и т.д.

Те же значения можно обнаружить и у прилагательных на *-исты* в современном польском языке: *górzysty* „гористый“, *gwiazdzisty* „звездный“, *jamisty* „изрытый ямами, ухабами“, *kamienisty* „каменистый“, *kolisty* „кругообразный“, *kos'cisty* „костистый“, *mięsisty* „мясистый“, *pleczysty* „плечистый“, *włók-*

²⁶ Соотнесенность с глагольным именем, безусловно, является исторически первичной, хотя в современном языке отношения изменились.

nisty „волоknистый“, *spadzisty* „покатый, крутой“, *rozłożysty* „раскидистый, развесистый“, *sprężysty* „гибкий, упругий“ и др. В чешском языке им, как правило, соответствуют формы на *-itý*: *kamienitý*, *masitý*, *plecítý*, *vláknitý*, *rozložítý*, *letitý* и т.д.²⁷ Что же касается современных балтийских языков, то здесь данный словообразовательный тип не получил никакого распространения. Отсюда латышские: *kalnains*, *kaulains*, *ledains*, *miltains*, *grumbains*, — соответствующие русским формам на *-истый*.

Прилагательные, оформленные суффиксами с элементом *-t-*, не существуют в языке изолированно. Они постоянно вступают во взаимодействие с какими-то другими именами на основе сходства значений, характера соотнесенности и т.д., в одних случаях побеждая, в других, уступая синонимическим прилагательным по целому ряду причин. Иногда это отношения близкородственных образований, типа *-атый*:*-астый*. Русск. *бородатый* — *бородастый*, *волосатый* — *волосастый*, *хвостатый* — *хвостастый* и т.д. Польск. *baniaty* — *baniasty*, *graniaty* — *graniasty*, *liściaty* — *liściasty* и т.д.²⁸ Или *muna-астый*: *-истый*: русск. *хвостастый* — *хвостистый*, польск. *mączasty* — *mączysty* и др. Гораздо чаще это синонимические отношения с близкими по значению суффиксами, и прежде всего с *-ный*, который способен придавать производному прилагательному более общее значение, связанное с отношением к мотивирующему имени: русск. *болотистый* — *болотный*, *гористый* — *горный*, *лесистый* — *лесной*, *озеристый* — *озерный* и др.²⁹; польск. *górný* — *górzysty*, *leśny* — *lesisty*, *blotny* — *blotisty* и др. Одна из очень распространенных в русском языке параллелей *-ливый*:*-истый* (в случае приглагольной соотнесенности): *изворотливый* — *изворотистый*, *оборотливый* — *оборотистый*, *расчетливый* — *расчетистый* и т.д.

Вышеуказанные синонимические отношения ведут, как правило, либо к утрате одного из компонентов словообразовательной пары, либо к семантической дифференциации форм, мотивированных одной и той же основой: русск. *отрывистый* (о. *речь*, о. *голос*), но *отрывочный* (о. *сведения*, о. *рассуждения*, о. *рассказы*) или *отрывной* (о. *бланк*, о. *календарь*), возможно и *отрывчатый* и т.д. Или в польском *gnojny* „гниной, навозный“, *gnoisty* „гниной“, *krzemienny* „кремневый“, *krzemienisty* „кремнистый“, *kamienny* „каменный“, *kamienisty* „каменистый“ и т.д.

²⁷ См. А. Siczkowski. *Struktura słowotwórcza przymiotników czeskich i polskich*. Wrocław, 1957.

²⁸ См. J. Winkler-Leszczyńska. Указ. работа, стр. 7.

²⁹ См. Изменения в формах и словообразовании существительного и прилагательного, М., 1964, стр. 448.

Еще более интересные данные по суффиксальной синонимии прилагательных, оформленных морфемами с элементом *-t-*, представляет литовский язык. Суффиксы *-(u)otas* и *-ėtas* уже утрачивают привязанность к определенному типу мотивирующих основ, а потому в целом ряде случаев выступают параллельно при одном и том же производящем имени: *-otas* — *-(u)otas* — *kuprotas* — *kupruotas* „горбатый“, *lapotas* — *lapuotas* „с листьями“, *išrūgotas* — *išrūguotas* „с сывороткой“ и др.; *-(u)otas* — *ėtas* — *dryžuotas* — *dryžėtas* „полосатый“, *dederviniuotas* — *dedervinėtas* „покрытый лишаями“, *kertuotas* — *kertėtas* „угловатый“, *marškiniuotas* — *marškinėtas* „одетый в рубашку“, *priešdėliuotas* — *priešdėlėtas* „с приставкой“, *rinčiuotas* — *rintėtas* „с зарубками, засечками“, *rumbuotas* — *rumbėtas* „рубцеватый“, *skrybėliuotas* — *skrybėlėtas* „в шляпе“, *sluoksniuotas* — *sluoksnėtas* „слоистый“, *smiltuotas* — *smiltėtas* „в песке“, *vandeniuotas* — *vandinėtas* „в воде“ и др.

Возможны в литовском языке и параллельные образования с формами на *-inas*, выражающими обычно внешний, бросающийся в глаза признак („испачканный чем-либо, покрытый чем-либо“): *moliuotas* — *molinas* — *molėtas* „в глине, вымазанный глиной“, *dumbluotas* — *dumblinas* „илистый“, *dulkėtas* — *dulkinas* „в пыли“, *silkiuotas* — *silkėtas* — *silkinas* „в седелке“, *suodžiuotas* — *suodinas* „вымазанный в саже“, *šienuotas* — *šieninas* „в сене“ и т.д. При наличии от той же мотивирующей основы прилагательных с суффиксами *-ingas* („имеющий что-либо в значительной степени“) или *-inis* („относящийся к чему-либо“) семантические различия в синонимических параллелях налицо: *druskuotas* — *druskėtas* — *druskinas* „обсыпанный солью“, *druskingas* „солёный, содержащий много соли“, *druskinis* „соляной, солевой“; *debesuotas* — *debesėtas* „обтянутый облаками, туманный“, *debesinis* „относящийся к облаку“, *debesingas* „полный облаков“; *muiluotas* — *muilinas* „вымазанный в мыле“, *muilinis* „сделанный из мыла“, *muilingas* „полный мыла“; *smėlėtas* — *smėliuotas* „покрытый песком“, *smėlingas* „богатый песком“, *smėlinis* „песочный“ и т.д. В современном латышском языке параллели типа *sniegots* — *sniegains* „снежный“, *sudrabots* — *sudrabains* „серебристый, серебряный“ относятся к числу единичных, поскольку суффикс *-ains* закрепился в качестве основного оформителя прилагательных, обозначающих наличие чего-либо в значительной степени. Именно поэтому интересующий нас производный формант *-ots* встречается гораздо реже (*gredzenots* „кольчатый“, *aizrestots* „решетчатый“, *tīklois* „сетчатый“, *krokots* „складчатый“, *krūzots* „махровый“, *piegrūžots* „сорный“ и некоторые другие).

Все вышеприведенные параллели свидетельствуют о продолжающейся развиваться специализации каждой из морфем в современных славянских и балтийских языках, о закреплении в результате распада синонимического

ряда определенного круга выражаемых значений за каждым из приведенных формантов.

Таким образом, рассмотрев прилагательные с суффиксом *-ið- в современных русском и литовском языках, прежде всего можно прийти к следующим выводам:

1. Прилагательные на *-to- в русском и литовском языках – это образования отыменные, то есть являющиеся прилагательными по своей природе. Приобретение ими глагольных оттенков и соответствующей приглагольной соотнесенности – явление вторичное, возникшее в результате длительного существования исследуемых форм в языке и их словообразовательной специализации³⁰.

2. Появление формантов *-(u)otas, -ėtas, -ytas* в литовском литературном языке связано с основообразующими гласными мотивирующих основ, осложненных первичным суффиксом *-ið-³¹. Приверженность данных формантов к определенным производящим основам постепенно утрачивается в языке.

Русские морфемы *-атый, -итый*, возникшие генетически таким же путем, развиваются в несколько ином направлении, а именно: результатом морфологических процессов переразложения явились суффиксы *-натый, -чатый, -оватый, -овитый*, нашедшие соответствия во всех славянских языках.

3. Литовские прилагательные на *-tas* даже в случае приглагольной соотнесенности выражают признак, качество, связанный со значением мотивирующей основы, и обладают всеми морфологическими приметам качественных прилагательных (образуют степени сравнения, наречия, отвлеченные существительные). Соответствующие русские образования на *-тый* менее прозрачны по своей структуре.

4. В современном литовском языке возможны синонимические образования от одной производящей основы, осложненные одновременно рядом суффиксов (*-otas, -ėtas, -inas* и др.), что связано с формальной и семантической недифференцированностью соответствующих морфем, не закрепивших за собой еще определенного круга выражаемых значений.

В современном русском языке подобных параллелей значительно меньше, хотя некоторые отголоски тех же отношений еще имеют место в языке.

³⁰ Страдательные причастия настоящего времени с суффиксом *-to-, как убедительно доказал В. И. Амбразас, также являются именами прилагательными по происхождению. См. V. Ambrazas. Dėl esamojo laiko neveikiamųjų dalyvių vartojimo, Lietuvių kalbotyros klausimai, t. 4. V., 1961.

³¹ Практически возможны литовские образования на *-tas* от любой основы: и даже от *-i* *vėlūstas, ligūstas, miegūstas*. См. J. Otrębski. Указ. работа, стр. 265.

5. Возникнув первоначально на одной и той же основе, русские и литовские аффиксы с элементом *-t-* развивались в общем-то в одном направлении вызванном стремлением к большей качественности и безотносительности хотя здесь, конечно, много специфичного, индивидуального для каждого исследуемых языков. Литовские прилагательные наряду с предельно конкретными значениями („одетый во что-либо, имеющий что-либо на себе“: *kaklėtas* „с воротником“, *kamanotas* „в узде“, *kaukėtas* „в маске“, *paltu* „в пальто“, *pirštinėtas* „в перчатках“, *šalmuotas* „в шлеме“ и т.д.), которые нельзя обнаружить у русских форм на *-тый*, во многих случаях разветвленные, абстрактные значения (*ligotas* „болезненный“, *ribotas* „ограниченный“, *ringiuotas* „извивистый“ и др.), представляющие как бы два поля в развитии интересующих нас образований.

6. Продуктивность прилагательных на *-tas*, *-тый* со всеми осложняющими их элементами и в литовском, и в славянских языках увеличивается по направлению к современности. В латышском языке по целому ряду причин данный аффикс распространения не получил.